

К ЧИТАТЕЛЯМ

*Прилежно чти, и всем сердцем
внимай, и двукраты прочитай сло-
веса, а не тщися листы токмо
обращати.*

«Измарагд» (XIV в.)

Книга, которую вы, дорогие читатели, держите в руках, открывает впервые издаваемую многотомную «Антологию педагогической мысли народов СССР». За первым томом последуют книги, где будут опубликованы памятники русской педагогической культуры более позднего времени и педагогическое наследие других народов нашей многонациональной страны. Благодаря усилиям ученых — педагогов, историков, филологов собрано и систематизировано педагогическое наследие каждой советской республики, и читатель получит представление о состоянии обучения и воспитания с древнейших времен до наших дней. В «Антологию» войдут документы, педагогическая публицистика, фрагменты из произведений выдающихся общественных и государственных деятелей, ученых, писателей, педагогов.

Думается, читатели с интересом встретят это издание, ибо на протяжении многовековой истории человеческого общества родителей волновали проблемы воспитания, волнуют их сегодня и будут волновать всегда. От того, как воспитаны дети, зависит судьба, будущее страны. Так было во все времена. Благодаря выпуску «Антологии» педагогическое наследие каждой республики станет достоянием нашей многонациональной Родины. Вне сомнений с педагогической точки зрения между разными культурами окажется много общего. Однако яснее обнаружатся и различия, национальные особенности. Но ведь и особенное, неповторимое сближает: чем люди глубже заглядывают в себя, в свое прошлое, чем вернее отделяют преходящее от непреходящего и раскрывают свои духовные богатства, тем более близкими и родными другим людям и народам они оказываются.

Первый том — «Антология педагогической мысли Древней Руси и Русского государства XIV — XVII вв.». Здесь приводятся тексты берестяных грамот, представлены отрывки из летописей, государственных документов, в которых упоминается о просвещении и образовании. Следует учитывать, что собственно педагогических произведений тогда не было, педагогика еще не выделилась в самостоятельную область знания. В то же время педагогическая мысль присутствовала во всей древнерусской культуре — устном народном творчестве, живописи, певческом искусстве, бытовых традициях, обычаях, обрядах. Педагогические идеи и воспитательный опыт многих поколений

включались в летописи, поучения, жития и т. д.; в древнерусских книгах встречается немало изречений, советов и рекомендаций о воспитании детей. Большое внимание в первом томе «Антологии» уделено народной педагогике. Колыбельные песни, пестушки, потешки, сказки, загадки, пословицы, былины, которые донесла до нас народная память, являются неотъемлемой частью нашего педагогического наследия.

Дополнительную информацию о зарождении и развитии просвещения на Руси дадут читателю помещенные в книге иллюстрации: древнерусские писала, берестяные грамоты, фрагменты «Азбуки» Ивана Федорова, «Букваря» Симеона Полоцкого, «Азбуки» Василия Бурцова, Кариона Истомина и др.

«Педагогика» — греческое слово, буквально означает «детовожделение», или искусство воспитания. И хотя в Древней Руси не было детской литературы, музыки, книжной графики, общая культура русского народа была в высшей степени педагогична. Древнерусская педагогика большое значение придавала воспитанию таких нравственных качеств, как правдолюбие, миролюбие, трудолюбие, кротость, честность, доброта, уважение к старшим.

Детей учили грамоте примерно с семи лет, и грамотность, как показывают многочисленные находки археологами берестяных грамот, была широко распространена в городах. Но гораздо раньше, нежели человека начинали учить грамоте, его вводили в единый для всех возрастов мир специфически средневековой книжной культуры и учили жить в нем самостоятельно, ответственно и серьезно, наравне со взрослыми. Это мир органически сплоченных вокруг литературы разных видов творчества — музыки, живописи, прикладного искусства, элементов сценического действия, архитектуры (архитектура вмещала писаное слово, музыка — человеческий голос — его интонировала, живопись — иконы и фрески — его иллюстрировала). В этом храмовом ансамбле литературы и искусств не делали существенного различия между взрослыми и детьми.

Это не означает, конечно, что дети не играли в детские игры, что родители им и с ними не пели песен, не рассказывали им сказок. Дети слышали множество рассказов, историй, сказок и «старин», былин и небывальщин. В устном творчестве-исполнительстве дети участвовали наравне со взрослыми. Средневековая словесная культура делилась на две, имевшие лишь некоторые точки соприкосновения части — устно-литературную и письменно-литературную, но обе эти части были одинаково доступны детям и взрослым.

И в трудах, насколько мы можем себе это представить, дело обстояло подобным же образом. Нам неизвестно, были ли на Руси профессиональные учебные заведения (если не считать таковыми монастыри), да и вообще учебные заведения, полностью отрывавшие детей от единой со взрослыми жизни. В крестьянском хозяйствовании дети участвовали вместе со взрослыми — им всегда находилось посильное, но настоящее дело. В больших семьях, а таких было множество, старшие дети помогали воспитывать младших, приобретая

при этом собственный жизненный опыт. Взрослые мастера брали себе юных помощников, и те, помогая им, учились их «художеству» или «хитрости».

Малолетних князей в восемь лет «сажали на коня», и те, случалось, броском своего маленького детского копья между ушами лошади ей под ноги начинали вполне серьезные «взрослые» битвы («Повесть временных лет»).

Все это можно было бы рассматривать как искусный педагогический прием доверительного введения маленького человека в соответствующие сферы ожидающей его деятельности, если бы это был только педагогический прием. Но это было подлинное посвящение, приём в настоящую жизнь, который вовсе не исключал ученичества, а скорее делал его более серьезным и ответственным.

Большое влияние на воспитание детей оказывала церковь. Она стремилась распространять свое влияние на все сферы деятельности и сознания, на все поведение человека. Церковь не запрещала, скажем, веселья и смеха, но ставила им некоторый «ограничитель» для того, чтобы человек никогда не терял контроля над собой. Так, тому, кто рассмеялся до слез, полагалось в наказание три дня есть всухомятку и класть по 25 земных поклонов. Та же самая кара следовала за хулу погоды — снега или дождя «твари божьей». Гораздо строже было наказание за смех и «повести» (разговоры) в церкви — двенадцать дней сухоядения и по сто поклонов в день. А еще суровей, отметим для сравнения, — вред другим людям и своей душе — воровство и клевету — сорок дней примерно той же «эпитимии» (помимо уголовных наказаний).

Постоянной мишенью русской учительной и проповеднической литературы было пьянство. Пьяница, учили, «сам себе враг и убийца»; пьянство землю опустошает, лишает человека свободы, семьи, красоты, здоровья. «Не буди винопийца!» — зывали книги и проповедники («Слово о хмеле», «Пчела»).

Однако призывы к воздержанию и самоограничению никогда не бывали чрезмерны: «Отрекись объядения, а не яствы, отрекись блуда, а не женитьбы» (из «Поучения» духовника кающимся, XV в.). Человека учили терпимости по отношению к другим людям, доброте, отзывчивости, человек призывался к сердечной мудрости и умственной премудрости. И как на главное средство для этого ему указывали на книги: «Велика бо полза нам, в мятежи мира сего будуще, почитание книжное есть; а се же велми есть зло и погибель души — еже, не слышаще учения, безвестно жити»; «Всем бо делом добрым начало есть поучение святых книг» («Слово» Григория папы римского), «Птицам того ради крыле дане, да сетей человеческих избежать, а человеком книги, яже всю неприязнену лесь обнажают» («Слово Иоанна Златоуста, како не ленитися книг чести»); «Велика бо бывает полза от учения книжного; книгами бо кажеми и учими есмы пути покаяню, мудрость бо обретаем и въздержание от словес книжных. Се бо суть реки, напающе вселенную, се суть исходищи мудрости», — читаем в «Повести временных лет». Подобных гимнов книге как

источнику мудрости в древнерусской литературе много. О какой же мудрости идет речь?

В последнее время за рубежом активизировались попытки дискредитировать древнерусскую культуру как якобы культуру невежества и даже мракобесия. Конечно, это говорят и пишут «мудрецы века сего», глухие к слишком для них простому и человеческому голосу древнерусской культуры. Причина же, по которой, на их взгляд, эта культура недостаточно интеллектуальна, простовата, как раз в том, что она стремилась быть не только умной, но мудрой. Разум, знания ценились очень высоко: «Ничто же разума есть честнейше, ибо разум свет есть душе словесние, такожде паки неразумие тма есть» («Диалектика» Иоанна Дамаскина). Человек по нерадивости неразумный хуже бессловесного животного, «невежество злее согрешения» — это были общие оценки. Но ясно виделась и страшная опасность, которую представляет ум, ускользающий из-под контроля нравственности. Подвижники — юродивые в жизни и Иванушки-дурачки в сказках — как раз и обнажали безумие «эмансипированного» разума. Древняя Русь была и умней, и эрудированней, и искусней, чем ее часто представляют. Настоящая мудрость не преследовала временных эффектов, превосходства силы над справедливостью, нечестной добычи. Она стремилась распространять ко всему в жизни нравственное отношение: «Добро бо книги почитаеши не славохотия ради, но поучаючись благая деяти и в правде жити» («Измарагд»). Однако именно духовная мудрость требовала упорной учебы, постоянного и вдумчивого чтения книг, знакомства с мировой историей, осмысления своего собственного и своего народа места в ней, требовала литературного, музыкального и эстетического развития — но только вдобавок к нравственному.

Произведения древнерусской литературы глубоко нравственны. Нравственность была краеугольным камнем воспитания. Многие правила воспитания из произведений древнерусской литературы не устарели до настоящего времени: «Больного навестите», «Не пропустите человека, не поприветствовав его» («Поучение» Владимира Мономаха); «Если кто в печали человеку поможет, то как студеной водой его напоит в знойный день» («Моление Даниила Заточника»); «Того считай другом, кто любит тебя, а не тех, кто вокруг тебя», «Кто хочет другими управлять, пусть научится владеть собой» («Пчела»); «Получив добро, помни, а сделав — забудь», «Меч губит многих, но не столько, сколько злой язык» (из «Изречений Исихия и Варнавы») и т. д.

Переведенная с греческого языка литература принесла на Русь немало достижений античной науки и культуры. Изучая в первую очередь оригинальную древнерусскую литературу, мы еще, к сожалению, недостаточно внимания уделяем такой важной и богатой составной части древнерусской культуры, как переводная литература, а без этого трудно понять отдельные русские произведения, а следовательно, и древнерусскую культуру в целом. Причем для нас особенно важно то, что переводная литература при всем своем жанровом разнообра-

зии носила преимущественно учительный характер и древнерусские произведения как бы ставились рядом с переводными в общем деле учительства.

Мудрость и учительность были свойственны всей древнерусской культуре. Но неверно думать, что эти духовные качества исключали практичность и полезность. Напротив, культура дорожила одними, чтобы не потерять другие, не оказаться исчерпанной тем или иным конкретным практическим результатом, но приносить их всегда, оставаясь духовно неисчерпаемой.

Изучение древнерусской литературы и культуры, в том числе культуры педагогической, таит в себе много открытий. Настоящий том «Антологии», надеюсь, окажется способным сообщить читателю что-то о мудрости Древней Руси, развить у него любопытство, если уже не сразу — любовь. Однако наши рукописные богатства бесценны: мы обладаем десятками тысяч совершенно не изученных или изученных плохо, поверхностно русских и славянских рукописей. Любой исследователь, если он только добросовестен и трудолюбив, имеет возможность сделать многие открытия новых памятников, раскрыть новое в истории их текста.

Понять современность, понять нашу эпоху, ее величие, ее значение можно только на огромном историческом фоне — в свете минувших веков.

Академик

Доктор филологических наук

